

УРОВНИ ДЕЙСТВИЯ СИСТЕМОСОХРАНЯЮЩЕГО МЕХАНИЗМА В ПРАВЕ

В статье проанализированы особенности функционирования системосохраняющего механизма в праве; дана подробная характеристика его структуры и содержания, выявлено значение этого механизма для поддержания системных характеристик права, для обеспечения целостности и единства правовой материи. Тщательно исследованы межотраслевой и отраслевой уровни действия системосохраняющего механизма в праве. Отраслевой уровень функционирования вышеупомянутого механизма раскрыт на примере отрасли российского уголовного права. Благодаря этому механизму в уголовно-правовой сфере происходит своеобразная обработка отраслевой системы, обеспечивается необходимое сочленение и гармонизация ее элементов, т. е. достигается необходимый уровень их внутриотраслевой согласованности, что, в конечном итоге, способствует «боеготовности» уголовного права, облегчает правоприменительную деятельность и обеспечивает поддержание режима законности в государстве.

Ключевые слова: системность, правовая система, саморегуляция, системосохраняющий механизм, межотраслевые связи, отрасль уголовного права, Уголовный кодекс Российской Федерации, уголовно-правовые нормы.

Право традиционно определяется как нормативно-регулятивная система, совокупность норм, идей и отношений, которая устанавливает поддерживаемый средствами власти порядок организации, контроля и защиты человеческого поведения; как система нормативных установок, опирающихся на идеи человеческой справедливости и свободы; как ценный регулятор общественных отношений, воздействующий на волю и сознание людей с помощью формально установленных или закрепленных норм (правил поведения), выраженных в нормативных актах, судебных прецедентах, других формах и обеспеченных возможностью государственного принуждения, без которого невозможно упорядочение, стабилизация и социально необходимое развитие общества [1, с. 7]. Отметим, что во всех вышеприведенных доктринальных определениях присутствует слово «система», что подчеркивает системный характер данного социального явления, его обособленность от окружающей среды, целостность и структурированность.

Системность правовых явлений исторически и генетически обуславливается системностью самого общества, в рамках которого они возникают и развиваются; общественные отношения как предмет правового регулирования и воздействия, несомненно, имеют системный характер. Как отмечает А.Н. Аверьянов, общество представляет

* © Денисова А.В., 2014

Денисова Анна Васильевна (anden@front.ru), кафедра уголовного права и криминологии, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

собой «развивающуюся систему, проходящую в своем развитии отдельные стадии, ступени, характеризующиеся возрастанием взаимосвязи и взаимозависимости составляющих ее элементов и подсистем» [2, с. 73].

Исходя из всего вышеизложенного представляется уместным отождествление терминов «право» и «правовая система», признание их синонимичными. Как и любая иная социальная система, право характеризуется сложной организацией, включает в себя несколько компонентов, каждый из которых представляет собой относительно самостоятельную подсистему и состоит из более дробных единиц – структурных элементов. На сегодняшний день исследователями считается общепризнанной позиция, что в самом общем плане право (правовая системы) государства содержит в себе следующие компоненты: объективное право, взятое в единстве содержания и форм его выражения (систему права); юридическую практику (правотворческую, правоприменительную и т. п.), осуществляемую в рамках правовых отношений; правосознание (совокупность юридических идей, взглядов, представлений и т. п.), которое находит выражение в юридической практике и правоотношениях, праве и правовой культуре общества. При этом все три компонента правовой системы тесно взаимосвязаны, взаимообусловлены и не могут существовать отдельно друг от друга.

Однако праву свойственна не только определенная дифференциация, т. е. расчленение на отдельные компоненты, но и единство. Это система внутренне согласованных, взаимосвязанных и взаимодействующих правовых явлений, процессов и состояний, составляющих в совокупности органически целостное образование. Представляется, что в правовой системе есть нечто, что объединяет все вышеуказанные элементы, благодаря чему они интегрируются в единое целое, в рамках которого возможно их эффективное сосуществование и взаимодействие. Этим интегрирующим правовым явлением следует признать т. н. системосохраняющий механизм, именно он обеспечивает целостность и системность права, делает возможным согласованное взаимодействие всех вышеуказанных системных элементов, упорядочивает и координирует их, а также регулирует воздействие внешних условий на право, обеспечивая сочетание преемственности и изменчивости в процессе правового регулирования. Благодаря этому механизму осуществляется определенное упорядочивающее воздействие на объективное право, правосознание и юридическую практику, координируется их совместное функционирование, обеспечивается своевременное приспособление права к меняющимся социальным условиям.

Отметим, что на существование данного механизма уже указывали некоторые исследователи: так, С.С. Алексеев и А.Ф. Черданцев писали о наличии в правовой системе своеобразного механизма «саморегулирования» [3, с. 265; 4, с. 47–63], Н.А. Власенко называет этот механизм нормативными условиями согласованности и единства правовых норм [5, с. 45–47], а А.П. Заец и З.А. Незнамова считают, что его следует именовать именно системосохраняющим механизмом [6, с. 23; 7, с. 13]. Исходя из системосохраняющих и саморегулирующих функций данного механизма, последнее название представляется наиболее удачным.

Термин «механизм», являясь понятием технического происхождения, достаточно прочно вошел в юридический лексикон. Этимология данного понятия привязана к внутреннему устройству и действию машины. Например, в словарях русского языка «механизм» определяется как совокупность подвижно соединенных частей, совершающих под действием приложенных сил заданное движение [8, с. 262]. Отсюда механизм следует понимать как единство статических явлений и динамических процессов, целостность которых «оживляет» статику и придает устойчивость динамике. Любой механизм – это совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих частей, элементов при наличии, с одной стороны, внутренней упорядоченности и согласованно-

сти между ними, а с другой – дифференциации и относительной автономности (самостоятельности). Так, В.С. Нерсесянц отмечает, что «механизм» – это всегда некая функциональная характеристика объекта, и данный термин следует использовать не для структурного описания системы, а для уяснения функциональной специфики ее различных частей и элементов [9, с. 128]. Со своей стороны отметим, что системосохраняющий механизм безусловно является одной из составляющих правовой материи. Более того, данный механизм имеет непосредственное отношение к механизму правового регулирования, является его частью, включающей в себя совокупность определенных элементов и юридического инструментария, специфических по своей природе и функциям, позволяющих правовыми средствами обеспечивать системность права, единство и согласованность его компонентов с целью упорядоченности регулирования общественных отношений и ликвидации противоречивости и неопределенности в правовой системе.

Философами давно доказано, что «авторегуляционные процессы присущи и неорганическим системам» [10, с. 106], к которым относится и право. То есть правовая система способна «своими силами» сохранять необходимую для нормального функционирования устойчивость, стабильность.

Если мы признаем право системой, констатируем наличие у него самостоятельной способности самоорганизоваться, «самонастраиваться», обеспечивать свою жизнеспособность, приводить в «рабочее» состояние составляющие элементы, то логично признать наличие внутри него особого регулятора, направленного на повышение его организованности и единства, – системосохраняющего механизма.

Данный механизм по своей природе является внутренним регулятором, организатором правовой целостности как институционального образования, выполняет роль «несущих конструкций» правовой системы, наполняет ее жизненной энергетической силой, придающей праву свойства высокой организованности, действенности и реальности. Он объединяет разноуровневые элементы правовой системы, действуя при этом на всех стадиях правового регулирования – от процесса создания правовых норм до их претворения в реальное поведение субъектов. При этом сложность регулируемых общественных отношений, динамика социальной жизни и различные другие факторы постоянно проверяют прочность связей между компонентами правовой системы. Ее жизнеспособность, таким образом, зависит от наличия внутреннего регулятора, обеспечивающего бесперебойную работу ее составляющих – специфического «защитно-настраивающего» механизма, который мы именуем системосохраняющим. По нашему мнению, он включает в себя, в свою структуру, следующие компоненты: принципы, цели и задачи права, презумпции и фикции, преюдиции, пробельные и коллизионные правила, правоположения. Все эти элементы находятся в единстве и образуют динамичный механизм саморегуляции права, сохраняющий и поддерживающий его системные характеристики.

Существование данного механизма объективно обусловлено потребностями системы: ей нужен специальный инструментарий, который находится в постоянной работе. Обладая необходимым резервом, запасом прочности, он способен включить в момент необходимости дополнительные средства, распространяя свое действие на все те отношения, в урегулировании которых произошел сбой.

По нашему мнению, системосохраняющий механизм в праве действует как на межотраслевом, так и на отраслевом уровнях. В первом случае он действует по правилам, относительно отвлеченным от отраслевой принадлежности интегрируемых правовых явлений, проявляет единство в многообразии разноотраслевых норм, институтов, актов, правоотношений, связывает их в единую национальную правовую систему. Во втором случае следует рассматривать его действие в конкретной отраслевой

подсистеме, определенной правовой целостности, ограниченной рамками соответствующих предмета и метода правового регулирования. То есть отраслевой системосохраняющий механизм — это форма существования всеобщего системосохраняющего правового механизма в условных отраслевых границах, его реализация в конкретной отрасли права. То есть принципиально действие системосохраняющего механизма на межотраслевом и отраслевом уровнях мало чем различается, оно отличается масштабом, спецификой и охватом решаемых задач. Те же самые составляющие системосохраняющего механизма приводят его в действие, как на межотраслевом, так и на отраслевом уровнях, исследуемый механизм выполняет в праве единые функции, независимо от особенностей и отраслевой принадлежности интегрируемых правовых явлений. Более того, даже в процессах функционирования системосохраняющего механизма на любом уровне обнаруживаются общие закономерности, свидетельствующие о единстве, цельности данного механизма, обладающего специфическими особенностями в разных отраслевых сферах. Все дело в том, в каких границах рассматривать действие данного механизма. Можно рассматривать его в рамках отрасли уголовного права, но при этом не забывать о том, что это нечто единое, самостоятельное явление, существующее в праве. То есть исследователи не должны замыкаться на отраслевых пределах действия данного механизма, ибо «особенное существует в неразрывной связи с общим» [11, с. 182]. Отраслевой уровень исследования ориентирует ученых на поиск специфического в явлениях, на обнаружение их качественного своеобразия. Познание идет от изучения единичных явлений к обнаружению в них особенного, а затем — к открытию общего, закономерного, действующего на всех уровнях.

Без раскрытия отраслевых уровней действия системосохраняющего механизма его межотраслевое функционирование становится пустой абстракцией, ибо согласованию разнокачественных правовых норм, институтов и актов всегда предшествует внутренняя гармонизация правовых явлений в рамках конкретных отраслей права. В то же время системосохраняющий механизм всегда есть продукт общих процессов, протекающих в правовой системе, даже если изучать его действие только на отраслевом уровне. То есть системосохраняющий механизм, действуя на отраслевом уровне, реализует многообразие в единстве и является необходимой интегрирующей формой развития правовой действительности.

Межотраслевой уровень действия системосохраняющего механизма предполагает разностороннее развитие и поддержание в праве системных качеств, функциональных возможностей составляющих его подсистем (в первую очередь, различных отраслей права), слаженность их проявления в процессе регулятивной и охранительной деятельности.

Проявлением действия системосохраняющего механизма в праве на межотраслевом уровне, по нашему мнению, является разрешение ситуации, возникшей вследствие неопределенности в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации положения Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 УК РФ. Соответствующая ситуация стала предметом рассмотрения Конституционного суда РФ, который проверил конституционность вышеупомянутых законоположений в связи с жалобами граждан, которые согласно оспариваемому законодательству утратили право быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления по причине назначения им в прошлом по приговору суда наказания в виде лишения свободы за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления. При этом не учитывалось: какой период прошел с момента отбытия ими наказания, была ли их судимость снята или погашена, т. е. ограничение пассивного избирательного права было бессрочным, не имело

значения и то, какой именно срок лишения свободы был назначен по приговору суда, отбывалось ли наказание в исправительном учреждении или оно было условным.

При рассмотрении данного дела Конституционный суд РФ пришел к выводам, что по своей природе в системе действующего правового регулирования ограничение пассивного избирательного права, предусмотренное вышеуказанным законоположением, непосредственно не относится к мерам уголовной ответственности, поскольку носит не уголовно-правовой, а конституционно-правовой характер; т. е. суд исследовал соответствующее правовое явление, установил его отраслевую принадлежность, выявил межотраслевые связи, задействованные при реализации данного правоограничения. Было констатировано, что соответствующее ограничение, не указываемое в приговоре в качестве наказания, в силу закона применяется как следующее самому факту осуждения к лишению свободы за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, т. е. за совершение предусмотренного уголовным законом деяния определенной категории, и, не будучи уголовным наказанием, тем не менее является общеправовым последствием судимости. Как указал Конституционный суд Российской Федерации, судимость, в первую очередь, это уголовно-правовой институт, который имеет значение для целей реализации уголовной ответственности.

За пределами уголовно-правового регулирования судимость приобретает автономное значение и влечет за собой не уголовно-правовые, а общеправовые, опосредованные последствия, которые устанавливаются не Уголовным кодексом Российской Федерации, а федеральными законами иной отраслевой принадлежности исходя из природы и специфики регулирования соответствующих отношений, не предполагающих ограничений уголовно-правового характера. Однако сроки введения соответствующих общеправовых последствий судимости, по общему правилу, также должны соответствовать срокам судимости, предусмотренным уголовным законодательством.

Исходя из этого положения подпункта «а» пункта 3² статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и части шестой статьи 86 УК Российской Федерации в их взаимосвязи по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования предполагают в качестве общего правила, что сроки вводимых законом ограничений пассивного избирательного права как общеправового последствия судимости должны устанавливаться соответственно дифференциации сроков судимости, предусмотренных УК РФ.

Бессрочное же лишение гражданина права быть избранным представляет собой такое ограничение данного права, которое затрагивает само его существо, делает невозможным осуществление права как такового ни в какой форме на протяжении всей жизни гражданина и после отбытия им наказания, т. е. превращается именно в отмену пассивного избирательного права, что недопустимо по Конституции РФ.

Более того, в российском государстве сложилась порочная правоприменительная практика отказов в восстановлении пассивного избирательного права гражданам, которые были осуждены к лишению свободы за совершение тяжких или особо тяжких преступлений и судимость которых снята или погашена в случае принятия нового уголовного закона, в соответствии с которым совершенные ими деяния подпадают под иную категорию преступлений, т. е. больше не признаются тяжкими или особо тяжкими. Конституционный суд РФ признал, что это также нарушает гарантии юридического равенства и обратной силы закона, вытекающие из статей 19 (часть 1), 32 (части 1, 2 и 3) и 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации.

В итоге суд признал положения подпункта «а» пункта 3² статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и части шестой статьи 86 УК Российской Феде-

рации *в их взаимосвязи* (курсив мой. — А. Д.) не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку предполагается, что сроки вводимых федеральным законом ограничений пассивного избирательного права, по общему правилу, должны устанавливаться соответственно дифференциации сроков судимости, предусмотренных УК РФ.

В то же время Конституционным судом РФ были признаны положения подпункта «а» пункта 3² статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и части первой статьи 10 УК Российской Федерации *в их взаимосвязи* (курсив мой. — А. Д.) в той мере, в какой данные законоположения по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, служат основанием для отказа в восстановлении пассивного избирательного права гражданам, которые были осуждены к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений и судимость которых снята или погашена в случае принятия нового уголовного закона, в соответствии с которым совершенные ими деяния более не признаются тяжкими или особо тяжкими преступлениями, не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (часть 1), 32 (части 1, 2 и 3) и 54 (часть 2) [12].

Таким образом, Конституционный суд РФ выявил определенный сбой в правовом регулировании избирательных отношений и с помощью межотраслевого инструментария постарался его устранить, а именно: опираясь на общеправовые и межотраслевые принципы (юридического равенства, справедливости, соразмерности, правовой определенности, а также принцип *nullum crimen, nulla poena sine lege* (законности)), принимая во внимание цели и задачи как уголовно-правового, так и конституционно-правового регулирования (см., в частности, п.п. 2.2, 4 постановления), исходя из презумпции, что лицо, имеющее непогашенную или неснятую судимость за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, за которое было осуждено к лишению свободы, недостойно осуществлять публичные властные и управленческие функции, и из презумпции, что сроки правоограничений, являющихся общеправовыми последствиями судимости, должны соответствовать срокам судимости, устанавливаться соответственно их дифференциации в УК РФ; учитывая имеющиеся преюдиции (установленные ранее вынесенными обвинительными приговорами судов факты совершения заявителями тяжких или особо тяжких преступлений), суд выявил серьезную межотраслевую коллизию (причем неявную, завуалированную в тексте избирательного законодательства и проявляющуюся только в процессе его реализации) и сформулировал коллизионное правило о том, что сроки правоограничений — общеправовых последствий судимости — должны зависеть от уголовно-правовых сроков данного института за исключением особых случаев, специально оговоренных в федеральном законодательстве (например, за отдельные тяжкие и особо тяжкие преступления, исходя из повышенной степени их общественной опасности, могут вводиться ограничения и на более продолжительные сроки, чем предусмотрено УК РФ — с соблюдением конституционных критериев соразмерности и необходимости). Сформулированное коллизионное правило Конституционный суд предложил законодателю незамедлительно перевести в форму законоположения (п. 4 постановления).

Следует отметить, что при разрешении данной ситуации были востребованы практически все составляющие системосохраняющего механизма, имеющие разноотраслевую окраску, они активно применялись причем не по отдельности, а одновременно во всей совокупности учитывались судом и тем самым с очевидностью доказывали функционирование соответствующего механизма в праве на межотраслевом уровне. В результате чего был устранен серьезный сбой в правовом регулировании избирательных отношений, приведший к ущемлению прав граждан, претендующих на заме-

шение той или иной выборной должности, ибо на них возлагалось незаконное бессрочное правоограничение, которое делало невозможным осуществление ими пассивного избирательного права как такового ни в какой форме на протяжении всей их жизни, в том числе и после отбытия ими наказания, т. е. по сути этот сбой привел к отмене данного права, что нарушало положения статей 3, 15, 17, 19 и 55 Конституции РФ. Конституционный суд РФ с помощью системосохраняющего механизма не только выявил данную правовую погрешность и оперативно устранил ее, но и указал законодателю на необходимость незамедлительного внесения соответствующих поправок в избирательное законодательство.

В кратчайшие сроки после этого, через несколько месяцев был принят Федеральный закон от 21 февраля 2014 г. № 19-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [13], которым были внесены поправки и дополнения в три федеральных закона (от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»; от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»; от 10 января 2003 года № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации») и ряд положений Федерального закона от 2 апреля 2013 года № 30-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» были признаны утратившими силу. Именно этот пример хорошо иллюстрирует системосохраняющее действие одноименного механизма в праве: преодоление небольшого сбоя в правовом регулировании избирательных процессов повлекло за собой принятие решения Конституционным Судом РФ, а то в свою очередь явилось причиной блока поправок в федеральное законодательство, изменения устоявшейся правоприменительной практики (ст. 5 Федерального закон от 21 февраля 2014 г. № 19-ФЗ) и правового сознания граждан, получивших специальные процессуальные гарантии, обеспечивающие возможность восстановления пассивного избирательного права в указанных законом случаях. То есть в результате действия системосохраняющего механизма из-за одной подвижки хоть немного, но изменяется вся правовая система в целом, в определенной степени трансформируются все ее элементы и подструктуры; ибо невозможно, изменив часть, оставить целое в прежнем состоянии, без перемен.

Еще более тщательного анализа требует исследование особенностей функционирования системосохраняющего механизма на отраслевом уровне, ибо это есть форма и способ предметной реализации одноименного механизма в праве, его отраслевая форма бытия в правовом пространстве, в которой выражается специфика и развитие определенной отраслевой материи, отражается своеобразие отраслевого юридического режима.

Выявить эти особенности действия системосохраняющего механизма возможно на конкретных примерах его проявления в отрасли уголовного права. Так, по нашему мнению, именно существование вышеупомянутого механизма обусловило принятие Пленумом Верховного суда РФ постановления № 9 от 29 мая 2014 года «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений» [14], в котором разрешаются многие практически значимые вопросы, в том числе и с использованием системосохраняющего инструментария: так, в п. 1 данного постановления перечисляются принципы, цели и задачи уголовно-правового регулирования, реализуемые в процессе назначения вида исправительного учреждения: справедливость, гуманизм, законность, дифференциация уголовной ответственности, достижение целей уголовного наказания, а также индивидуализация исполнения наказания в отношении лица, осужденного к лишению свободы. При решении проблемных вопросов правового

регулирования процессов назначения и изменения видов исправительных учреждений Пленум Верховного суда неоднократно обращался к презумпциям: что лица, осужденные за неосторожные преступления, характеризуются меньшей степенью общественной опасности нежели чем лица, осужденные за совершение умышленных преступлений (п. 2 вышеназванного постановления); что лица, в прошлом отбывавшие наказание в виде лишения свободы в исправительных учреждениях, характеризуются большей степенью общественной опасности, чем лица, впервые осужденные к реальному отбыванию данного вида наказания (п. 11 постановления); что правомерное поведение осужденного, его добросовестное отношение к учебе и труду, раскаяние в совершенном деянии, частичное или полное возмещение причиненного ущерба в период отбытия им уголовного наказания свидетельствуют о снижении уровня его общественной опасности (пп. 25, 28, 30 постановления); что для этого необходимо определенное время, ибо осужденные должны не только продемонстрировать навыки законопослушного поведения, но и доказать государству, что эти навыки трансформировались у них в соответствующий образ жизни, что происходит не одномоментно, а в течение сроков, установленных уголовно-исполнительным законодательством (п. 26 постановления); что лица, совершившие тяжкое или особо тяжкое преступление в несовершеннолетнем возрасте, характеризуются меньшим уровнем общественной опасности, чем совершеннолетние, даже если к моменту вынесения обвинительного приговора они достигли возраста восемнадцати лет (п. 10 постановления) и др.

Также при принятии вышеупомянутого постановления были использованы и правовые фикции: например, в п. 10 говорится о том, что в случае осуждения лица мужского пола за особо тяжкое преступление, совершенное им до достижения восемнадцатилетнего возраста, и за умышленное преступление средней тяжести после достижения этого возраста, ему должно быть назначена исправительная колония общего режима (то есть Верховный суд РФ придал нужную видимость правовой действительности, предписав считать существующий факт предыдущего осуждения за особо тяжкое преступление юридически не существующим). Тот же самый прием был использован в постановлении при перечислении лиц, которые не могут рассматриваться как ранее отбывавшие лишение свободы в исправительных учреждениях. Так, в п. 12 в подп. д) говорится о лицах, осужденных к лишению свободы и отбывших наказание в местах лишения свободы за деяния, преступность и наказуемость которых была устранена новым законом, либо в новой редакции санкции соответствующей статьи особенной части Уголовного кодекса РФ не предусмотрено такое наказание как лишение свободы. То есть опять Верховный суд РФ дает указания признавать фактическое отбывание наказания в виде лишения свободы в исправительном учреждении в прошлом юридически не существовавшим. Аналогичный вывод можно сделать и относительно п. 13, где говорится о том, что судимости, снятые или погашенные в установленном законом порядке, судимости за неосторожные преступления, а также судимости, указанные в части 4 статьи 18 УК РФ (например, за умышленные преступления небольшой тяжести и т. д.), не учитываются при признании рецидива преступлений и поэтому не могут являться основанием для назначения исправительной колонии строгого или особого режима.

Было сформулировано Верховным судом РФ и коллизионное правило, подлежащее применению в случаях неправильного назначения вида исправительного учреждения – суд апелляционной инстанции на основании пункта 4 части 1 статьи 389.26 УПК РФ вправе изменить на более мягкий или более строгий вид исправительного учреждения в соответствии с требованиями статьи 58 УК РФ. Однако при этом более строгий вид исправительного учреждения может быть назначен только при наличии представления прокурора либо жалобы потерпевшего или частного обвинителя, их

законных представителей и (или) представителей (п. 19). Соответствующее положение не закреплено в законе, это – новелла, введенная в правовую систему соответствующим разъяснением Пленума Верховного суда РФ.

Анализируемое постановление подтверждает действие системосохраняющего механизма и на отраслевом уровне, когда происходит внутренняя гармонизация правовых явлений в рамках конкретных отраслей права. В данном случае Верховный суд РФ предпринял меры для совершенствования практики назначения и изменения судами видов исправительных учреждений, постарался выявить все вопросы и проблемы, возникающие при этом, и разрешить их, тем самым способствуя более точной настройке механизмов уголовно-правового регулирования в этой сфере и устранению неопределенности и прочих дефектов в содержании уголовного законодательства.

Таким образом, на анализируемом отраслевом уровне системосохраняющий механизм активно участвует в поддержании «боеготовности» уголовного права, преодолевая возникающие трудности в процессе уголовно-правового регулирования и сигнализируя правотворческим органам о необходимости вмешательства. Он воплощает собой тот «резерв» права, который обеспечивает разрешение одного из основных противоречий права – необходимости его стабильности и динамики одновременно. В то же время существование и функционирование исследуемого механизма значительно облегчает правоприменительную деятельность государства, обеспечивая поддержание режима законности.

Все вышеизложенное подтверждает тот вывод, что действие системосохраняющего механизма на отраслевом уровне определяет степень единства и целостности соответствующей отрасли, уровень функциональных возможностей элементов ее системы, ибо благодаря ему происходит их гармонизация, самонастройка, «приладка» друг к другу.

По результатам исследования действия системосохраняющего механизма как на межотраслевом, так и на отраслевом уровнях, отметим, что его структурные элементы либо служат средством интерпретации формально-юридических источников права, либо выступают основой для их разработки, либо даже напрямую регламентируют социальные взаимодействия, относящиеся к предмету правового регулирования, дополняя собой действующие правовые нормы или выступая в качестве их альтернативы (например, при применении пробельных правил для заполнения пробелов в праве).

Библиографический список

1. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М.: Прометей, 1999. 419 с.
2. Аверьянов А.Н. Системное познание мира. М.: Политиздат, 1985. 263 с.
3. Алексеев С.С. Проблемы теории права. Свердловск: СЮИ, 1973. Т. 2. 401 с.
4. Черданцев А.Ф. Системность норм права // Сборник уч. трудов СЮИ. Вып. 12. Свердловск: СЮИ, 1970. С. 47–63.
5. Власенко Н.А. Обеспечение единства и согласованности функционирования системы советского права // Проблемы реализации права: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск: СЮИ. 1990. С. 45–47.
6. Заец А.П. Система советского законодательства: проблема согласованности. Киев: Наук. думка, 1987. 100 с.
7. Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве. Екатеринбург: Cricket, 1994. 284 с.
8. Большой словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981. Т. 2. 736 с.
9. Проблемы общей теории права и государства / под ред. В.С. Нерсесянца. М.: Норма, 2002. 832 с.

10. Петрушенко Н.А. Принцип обратной связи. Некоторые философские и методологические проблемы управления. М.: Мысль, 1967. 275 с.
11. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. 836 с.
12. Постановление Конституционного суда РФ от 10 октября 2013 г. № 20-П «по делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3² статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 УК Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А.С. Латыпова, В.Ю. Синькова» // Российская газета. 2013. 23 октября.
13. Федеральный закон от 21 февраля 2014 г. № 19-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2014. 25 февраля.
14. Постановление № 9 Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2014 года «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений» // Российская газета. 2014. 4 июня.

References

1. Maltsev G.V. Understanding of law. Approaches and problems. M., Prometei, 1999. 419 p. [in Russian].
2. Averianov A.N. System learning the World. M., Politizdat, 1985, 263 p. [in Russian].
3. Alekseev S.S. Problems of the theory of law. Sverdlovsk, SIuI, 1973. Vol. 2, 401 p. [in Russian].
4. Cherdantsev A.F. Systemacity of rules of law. *Sbornik uch.trudov SIuI [Collection of academic papers of SYuI]*, issue 12. Sverdlovsk, SIuI, 1970, p. 47–63 [in Russian].
5. Vlasenko N.A. Ensuring of unity and coherence of functioning of the system of Soviet Law. *Problemy realizatsii prava: Mezhdvuz. sb. nauch. tr [Problems of realization of law: interacademic collection of scientific papers]*, Sverdlovsk: SIuI, 1990, p. 45–47 [in Russian].
6. Zaets A.P. System of Soviet legislation: problem of coherence. Kiev: Nauk.dumka, 1987, 100 p. [in Russian].
7. Neznamova Z.A. Collisions in criminal law. Ekaterinburg: Cricket, 1994, 284 p. [in Russian].
8. Big dictionary of Russian language. A.P. Evgenieva [ed.]. M., Russkii iazyk, 1981, Vol. 2, 736 p. [in Russian].
9. Problems of general theory of law and state. V.S. Nersesyants [ed.]. M., Norma, 2002, 832 p. [in Russian].
10. Petrushenko N.A. Principle of feedback. Some philosophical and methodological problems of management. M., Mysl', 1967, 275 p. [in Russian].
11. Philosophical encyclopedic dictionary. M., Sovetskaia entsiklopediia, 1983, 836 p. [in Russian].
12. Judgment of the Constitutional Court from October 10, 2013 no.20-II «on the case on check of constitutionality of sub-paragraph «a» paragraph 3² section 4 of the Federal Law On the main guarantees of electoral rights and right for participation in a referendum of citizens of the Russian Federation, part 1 article 10 and part 6 article 86 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with complaints of citizens G.B. Egorov, A.L. Kazakov, I.Yu. Kravtsov, A.V. Kupriyanov, A.S. Latypov, V.Yu. Sinkov, *Rossiiskaya gazeta*, 2013, October 23 [in Russian].
13. Federal Act from February 21, 2014 № 19-FZ About making amendments in some legal acts of the Russian Federation, *Rossiiskaya gazeta*, 2014, February 25. [in Russian].
14. Decree № 9 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from May 29, 2014 On practice of appointment and changing of types of correctional facilities. *Rossiiskaya gazeta*, 2014, 4 June. [in Russian].

LEVELS OF ACTIVITY OF SYSTEM SAVING MECHANISM IN LAW

In the article the features of functioning of the system saving mechanism in law are analyzed; detailed characteristic of its structure and the contents is given, value of this mechanism for providing system characteristics of law, integrity and unity of legal matter is revealed. Intersectoral and sectoral levels of activity of system saving mechanism in law are carefully investigated. The sectoral level of functioning of above mentioned mechanism is expanded on the example of sector of Russian criminal law. With this mechanism in criminal law field the sectoral system has certain treatment, linkage and harmonization of its elements is ensured, that is the required level of its intraindustry coherence will be achieved that eventually promotes combat effectiveness of criminal law, facilitates law enforcement activity and ensures the maintenance of the mode of legitimacy in the state.

Key words: systemacity, legal system, self-regulation, system saving mechanism, inter-industry relations, branch of criminal law, Criminal Code of the Russian Federation, criminal law standards

* *Denisova Anna Vasilievna* (anden@front.ru), the Dept. of Criminal Law and Criminology, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.